

УДК 9:94

Базаркина Д.Ю.

Московский городской педагогический университет

**БОРЬБА С УЛЬТРАЛЕВЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В ЕС:
КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

D. Bazarkina

Moscow City Pedagogical University

**STRUGGLE AGAINST ULTRA-LEFT TERRORISM IN EU:
COMMUNICATION ASPECT**

Аннотация. Сегодня борьба с терроризмом осуществляется не только путем проведения силовых операций, но и с помощью разветвленной системы коммуникационного менеджмента. В данной статье анализируется опыт коммуникационного обеспечения контртеррористической деятельности в ряде стран Европейского Союза. Выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются силовые структуры при осуществлении коммуникационного противодействия ультралевому терроризму. События 11 сентября 2001 г., теракты в Мадриде и Лондоне стали причиной переосмысления концепции терроризма, коммуникационная составляющая террористической деятельности получила новую актуальность. Многие контртеррористические структуры ЕС претерпели ряд изменений, особенно в странах, пострадавших от терроризма.

Ключевые слова: ультралевый терроризм, безопасность, спецслужбы, коммуникации, террористическая пропаганда, коммуникационный менеджмент, Европейский Союз, ФРГ, Великобритания, Греция.

Abstract. Today the war on terrorism is carried out not only through the special use of force, but also by means of the branched system of communication management. The article analyzes the experience of communication maintenance of counter-terrorist activity in a number of the EU countries. There is also an attempt to allocate the basic problems which the security forces face while realizing the communication counteraction to the far-left terrorism. Attacks on WTC in September, 2001, and the acts of terrorism in Madrid and London became the reason for reconsideration of the terrorism concept; the communication component of the terrorist activity has become more acute. Many counterterrorist structures of the EU have undergone a number of changes, especially in the countries suffered from terrorism.

Key words: far-left terrorism, safety, special services, communications, terrorist propaganda, communication management, the European Union, Germany, Great Britain, Greece.

Коммуникационное сопровождение контртеррористической деятельности европейских спецслужб налажено в разных странах на разном уровне. Наиболее показательным примером можно назвать публикации Министерства внутренних дел и Ведомства по охране Конституции ФРГ. Ультралевая угроза, существовавшая в прошлом в Великобритании, упоминается в публикациях британской службы безопасности МИ-5. Однако ультралевому терроризму уделяют внимание в большей степени германские власти, поэтому в данном случае мы рассмотрим примеры коммуникационного сопровождения борьбы с ультралевыми немецких и греческих спецслужб, так как в Греции проблема ультралевого терроризма актуальна до сих пор.

ФРГ

Так как ультралевый терроризм в ФРГ сегодня отсутствует в прежнем виде, коммуникационная стратегия силовых структур нацелена, прежде всего, на предотвращение появления групп, подобных «Фракции Красной армии», в будущем. Поэтому очень большое внимание

уделяется отслеживанию ультралевых настроений в обществе, систематизации информации об ультралевых нетеррористических организациях и публикации результатов обработки этих данных. Немецкие спецслужбы, пожалуй, можно назвать наиболее активными на коммуникационном направлении, что видно по их открытым публикациям.

Проблемам ультралевых посвящен раздел интернет-сайта Ведомства по охране конституции (Bundesamt für Verfassungsschutz, далее BfV), озаглавленный «Левый экстремизм». С.А. Ланцов в словаре «Террор и террористы» пишет, что «нередко термин «радикализм» употребляется как синоним термина «экстремизм». Однако между ними есть различия. Радикализм – это идейное, теоретическое обоснование политического действия, а не само действие. Радикализм вообще может быть не связан с практической политикой, а сосредотачиваться исключительно в сфере ... абстрактной теории. Экстремизм же проявляется в практической политической деятельности, в использовании крайних, преимущественно насильственных средств политической борьбы. Кроме этого, радикализм всегда базируется на какой-либо идеологической платформе, а экстремизм может быть полностью безыдейным» [2]. Кроме того, радикализм далеко не всегда является идеологической базой терроризма, а экстремизм – синонимом террористической деятельности.

Трактовка экстремизма специалистами BfV достаточно широка. Значение термина «левый экстремист» объясняется следующим образом: «Левые экстремисты выводят свои политические действия из революционно-марксистских или анархических воззрений и стремятся заменить существующий государственный и общественный строй социалистической или коммунистической системой или «свободным от господства» анархическим обществом. Для этого они принимают участие в общественных акциях протеста и пытаются сделать эти акции средством достижения своих целей. Формы деятельности разнятся, от открытой агитации до совершаемых втай-

не насильственных, действий, часто с тяжелыми последствиями, при этом отдельные автономные группы мирятся с нанесением людям тяжелых телесных повреждений» [8].

Нужно отметить, что под левым экстремизмом BfV понимает не только проявления терроризма (или «терроризм малых масштабов», как поджоги), но даже устные высказывания, сами лозунги протестных организаций, если они призывают к крайним мерам. О связи понятий «левый экстремизм» и «протестное движение» можно, в частности, судить по заявлению: «Число актов насилия, предположительно с левоэкстремистским следом, заметно выросло в 2009 г. до 1096 зарегистрированных правонарушений против 701 такого случая в 2008 г. К тому же отчетливо возрастает в своей агрессивности вербальная воинственность» (в оригинале: «verbale Militanz») [8]. Рост числа акций под левоэкстремистскими лозунгами связан с растущими проявлениями экономического кризиса; очевидны, в связи с этим, и причины распространения «языка вражды» в званиях протестующих.

Специалисты BfV считают, что готовых к насильственным действиям левых экстремистов нужно причислять, прежде всего, к автономным группам, члены которых, по мнению чиновников, «считают применение силы, в том числе против граждан, законным для претворения в жизнь своих политических целей и оправдывают насилие как якобы необходимое средство против «структурного насилия» системы «принуждения, эксплуатации и подавления». Так называемый «Черный блок», группы которого не включены в европейский список террористических групп, расценивается, однако, как источник насилия, которое во время всех протестных демонстраций оказывается направленным против полиции [8].

Нужно отметить, что подобный подход к проблеме ультралевых является опасным не только в отношении протестного движения, обусловленного реальными экономическими и социально-политическими проблемами, но и в отношении легальных левых партий, так

как стереотипное восприятие протестного движения под левыми лозунгами (к примеру, приравнение в общественном сознании антиглобалистов, проводящих акции во время встреч стран «большой восьмерки», к террористам) способно отвлечь широкую общественность от обсуждения реальных, требующих решения проблем, к которым позволяют привлечь внимание протестные акции. Хотя прямого отождествления нетеррористических ультралевых организаций с терроризмом нет как в материалах BfV, так и на сайте Министерства внутренних дел ФРГ [16], активная антимарксистская пропаганда в открытых публикациях BfV способна только накалить отношения правящей коалиции с оппозицией. В частности, названия левых партий перечислены в проспекте «Враги демократии. Левые экстремисты», в котором дается следующий комментарий: «Левые экстремисты используют те же самые понятия, что и демократы, подразумевают, однако, нечто иное. Они говорят: «Свобода» и подразумевают уничтожение таких демократических достижений как независимость судов; ... «Антифашизм» – и подразумевают насилие, направленное против людей, которых они обозначают как «фашистов» (к примеру, полицейских, предпринимателей, судей, либерально настроенных граждан); ... «Справедливость» – и подразумевают устранение права на собственность; ... «Демократия» – и имеют в виду духовный и политический контроль инакомыслящих; ... «Равенство» – и подразумевают ограничение личных прав и свобод, как в профессии, так и экономически» [6].

Таким образом, десятилетиями складывавшийся опыт немецких силовых структур по коммуникационному противодействию ультралевому терроризму (связанный, прежде всего, с опасностью, исходившей некогда от РАФ), оказывается сегодня направленным на целый спектр нетеррористических организаций, разделяющих марксистскую идеологию. Стоит заметить, что подобного рода заявления в адрес протестного движения, особенно молодежной его части, могут привести к тому же эффекту, что и подавление

студенческих сидячих забастовок в ФРГ в 1960-е – 1970-е гг. «При их проведении для бастующих было важно, чтобы нарушение действующих законных норм было сначала относительно умеренным, однако при этом бастующие стремились вынудить администрацию университета и тактически не подготовленную к таким демонстрациям полицию немного «перестараться» при подавлении бунтов. Громогласное возмущение против применения силы «фашистской» полицией должно было вести к следующим акциям солидарности в рядах студенчества» [1, с. 48]. Такого же провоцирующего воздействия на полицию могут добиваться члены ультралевых нетеррористических групп при участии в демонстрациях. Поэтому при присваивании автономным группам броских эпитетов следует быть также крайне осторожными.

Широкое информирование общественности о деятельности BfV осуществляется через рассылку и раздачу печатных материалов, посвященных направлениям деятельности ведомства, в том числе и борьбе с левым экстремизмом. Брошюры доставляются, в частности, в школы, где учащимся предлагается распространять их среди своих сверстников. В онлайн-игре «Was steckt dahinter?» («Что за этим кроется?»), рассчитанной на детскую аудиторию, предлагается ответить на вопросы о направлениях деятельности BfV, различиях функций ведомства и других спецслужб, механизмах информирования общественности, а также угадать ответы на вопросы вроде «Могу ли я помочь BfV в работе?». Правильным ответом на последний вопрос является пункт, в котором говорится о возможности распространения материалов ведомства. На интернет-сайте BfV размещены электронные версии публикаций ведомства, включая не только аналитические материалы (как, например, ежегодные отчеты о развитии политического экстремизма в стране), но и краткие пропагандистские материалы, позволяющие распознать правый и левый экстремизм или исламизм.

Косвенным показателем низкого уровня опасности перехода левоякстремистских мо-

лодежных групп в ультралевой терроризм можно назвать отсутствие публикаций по этой проблеме на правительственном интернет-сайте Jugenschutz.net, разработанном при участии специалистов Министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи ФРГ. Напротив, проблема правого экстремизма и насильственных действий, связанных с ним, является одной из центральных для авторов сайта [12].

Обращается в BfV внимание и на технический аспект работы с информацией. Так, в 2010 г. вице-президент ведомства Александр Айсфогель заявил, что ввиду тех возможностей, которые Интернет предоставляет как враждебным ФРГ разведслужбам, так и экстремистам и террористам, перед спецслужбами «встает особый вопрос, как нужно противодействовать последствиям расширения этих информационных потоков». Он подчеркнул, что сегодня необходимо постоянно размышлять о том, какие в рамках существующих возможностей необходимо задействовать автоматизированные методы анализа и технические средства, чтобы воздействовать на эти информационные потоки для достижения целей спецслужб, а также оценки своих действий. При этом, как заявил вице-президент BfV, необходимо постоянно расширять круг источников информации, как открытых, так и закрытых [4, с. 46].

Силовые структуры ФРГ также активно занимаются сбором, обработкой и распространением информации через специальные исследовательские центры, подобные Объединенному контртеррористическому центру (the Joint Counter-Terrorism Centre), открытому в Берлине 14 декабря 2004 г. В целом можно заметить, что направления информационного и коммуникационного менеджмента в силовых структурах ФРГ обеспечены технически на очень высоком уровне.

Великобритания

Специалисты британской службы безопасности МИ-5 указывают на своем интернет-сайте, что, хотя 72% угроз национальной

безопасности исходит от международного терроризма, локальный экстремизм составляет 15% угроз [9]. Под локальным экстремизмом специалисты МИ-5 понимают «шотландских и валлийских националистов, правых и левых экстремистов, экстремистов – защитников прав животных и других воинственных протестующих против отдельных проблем» [5].

Трактовка понятия «экстремизм» службой МИ-5 отличается от трактовки BfV. На британском сайте сделана оговорка, что подавляющее большинство людей, выступающих за права животных, проводящих националистические и политические кампании, являются мирными гражданами. Однако такие мотивы иногда привлекают экстремистов, которые обращаются к насилию и запугиванию. Приводятся примеры того, как некоторые экстремисты – участники кампаний за права животных – совершали преступления против собственности, угрожали насилием, отправляли муляжи взрывных устройств в дома и офисы в ходе организованных кампаний против концернов, проводящих испытания на животных.

Собственно ультралевые упоминаются в публикациях МИ-5 (в разделе «Подрывная деятельность») как проблема прошлого. В настоящее время юридической базой для борьбы с ними является Закон 1989 г. о Службе безопасности, где термин «подрывная деятельность» отсутствует, однако есть ее описание как действий, которые «направлены на то, чтобы свергнуть или подорвать парламентскую демократию политическими, экономическими или насильственными средствами». Понятие подрывной деятельности поэтому связано с враждебностью по отношению к западной либеральной демократии. Под определение подрывной деятельности, по сообщению МИ-5, подходит деятельность коммунистических и троцкистских организаций, действовавших на территории Великобритании в период «холодной войны» [15].

МИ-5 не только активно занимается сбором, обработкой и распределением информации внутри самой спецслужбы, но и исполь-

зует современные технические средства для получения «обратной связи» от населения. Так, на сайте МИ-5 гражданам предлагается подать информацию о проявлениях экстремизма, которые они смогли заметить. Прямая ссылка ведет к электронной форме на сайте www.direct.gov.uk [13]. В целом в Великобритании не так развито коммуникационное противодействие ультралевому, как в ФРГ, поскольку ультралевая угроза практически отсутствует сейчас в стране, более актуальной проблемой считается активность сепаратистских организаций, подобных ИРА.

Греция

Нужно отметить, что в Греции – практически единственной стране, где ультралевый терроризм сегодня настолько активен, что работа по профессиональному управлению посредством коммуникаций ведется, главным образом, путем накопления и распределения информации внутри силовых структур, открытые публикации и заявления для прессы обусловлены, прежде всего, прецедентами, создаваемыми террористами. Нужно отметить, что недостаток новостного менеджмента, целью которого является воздействие на общественное мнение, ведет чаще всего к расхождению трактовок официальной версии того или иного события. Кроме того, когда ультралевые организации берут ответственность за произошедшие теракты, силовым структурам приходится чаще всего предпринимать ответные шаги, тогда как кризисные коммуникации считаются наиболее эффективными, если их план разрабатывается задолго до наступления кризисной ситуации. Кроме этого, публикации МИ-5 и органов безопасности ФРГ являются эффективными средствами репутационного менеджмента, призванными выработать у общественности определенное отношение к ультралевому терроризму.

Кризисные коммуникации правительства в ситуации террористических атак и политических убийств, предпринятых ультралевыми, можно рассмотреть еще на примерах

противодействия N-17. Показательным примером можно назвать кампанию, развернутую после убийства британского военного атташе в Греции С. Сондерса в 1999 г. После этого убийства греческие ведущие политики выразили гнев по поводу произошедшего; они утверждали, что правительство будет «самым беспощадным» в борьбе с проявлениями терроризма. Греческий министр иностранных дел Георгиос Папандреу заявил, что правительство «не позволит имиджу страны на международной арене разрушиться» [7].

Чтобы отразить общенациональное возмущение и чувство тревоги, в рамках информационной кампании была объявлена минута молчания, по общегосударственным радиоканалам прошла серия передач, посвященных терроризму. В этих радиопередачах была подчеркнута угроза, которую терроризм представляет в отношении человеческой жизни, социального и политического устройства, культуры и демократических ценностей. Кроме того, вдова С. Сондерса несколько раз выступила по телевидению и обратилась к общественности с просьбой о помощи в борьбе с терроризмом и розыске убийц своего мужа.

Подобные кампании в СМИ призваны, как правило, достичь ряда целей. Во-первых, обратиться к греческому общественному мнению против общего врага. Второй, практической целью таких кампаний считают давление на общественность, чтобы подвигнуть граждан передать следствию важную информацию, которой они могут обладать. В-третьих, кампания транслирует четкое сообщение мировому сообществу, прежде всего организациям США и Европы, о том, что Греция придерживается в своей политике курса на борьбу с терроризмом. Публичные заявления государственных чиновников предназначаются, во-первых, чтобы показать их высокую вовлеченность в ситуацию, а во-вторых, чтобы снять с них обвинения (если таковые прозвучали) в том, что они проявили недостаточно внимания к активности террористических организаций. Наконец, антитеррористическая пропаганда содержит сообщение непосредственно тер-

рористам о том, что общественная поддержка их действий минимальна или отсутствует вовсе. Решается задача нивелировать положительное общественное мнение, если оно ранее сложилось о террористах как о неких «Робина Гудах» поскольку их целями, как заявляют они сами, становились правительственные чиновники или богатые предприниматели [7]. Подобная схема коммуникаций применялась много раз в случае терактов ЕА [10]. Не только отсутствие активной антитеррористической пропаганды, но и слабость подготовки греческих спецслужб называют в ряду факторов, позволивших ультралевым террористам долго находиться на свободе [3].

Еще в 1986 г. указом президента Греции ND1645/1986 была образована Эллинская разведывательная служба (Ethniki Ypiresia Pliroforion – ЕИП), путем реорганизации Центральной разведывательной службы. Сегодня Эллинская разведывательная служба стала самостоятельной спецслужбой, которая находится под управлением министра общественного порядка. Назначение Эллинской разведывательной службы, как определено в Статье 2 Указа президента 1645/1986, состоит в следующем: сбор, обработка и распространение в пределах властных структур информации, касающейся национальной безопасности страны; меры контрразведки, направленные на противодействие деятельности сотрудников иностранных спецслужб; обеспечение безопасности национальных коммуникаций; в период военных действий или мобилизации ЕИП, в дополнение к ее основным функциям, занимается разведкой в пользу Греции [11].

Информационный (в меньшей степени коммуникационный) менеджмент осуществляет также Генеральный штаб Вооруженных сил Греции, сформировавший собственную независимую информационную службу. В 2000 г. под руководством генерала Манусоса Парайудакиса при Генштабе было создано особое подразделение, занимающееся сбором и обработкой информации, Информационная служба, (на базе подразделения А2 Генштаба).

Подразделение А2 (служба военной разведки) греческого Генштаба Вооруженных сил занимается сбором интегрированной информационной базы и разработкой систем оценки информации для военных нужд. Служба активно сотрудничает с соответствующими гражданскими бюро и агентствами в стране, агентствами в других странах Европейского Союза и структурами НАТО. По результатам исследований А2 передает в Генеральный штаб информацию по проблемам разведки и безопасности и координирует действия ряда подразделений.

Исследователь Дж. М. Номикос сообщает о проведении следующих реформ греческой службы военной разведки в связи с событиями 11 сентября 2001 г. и осмыслением новой роли терроризма в мире:

создано специальное бюро для поддержки руководства, в которое вошли консультанты по юридическим, дипломатическим, научным проблемам;

создано Управление оперативной поддержки (Operations Support Directorate), лишенное функции сбора и распределения информации, чтобы сконцентрировать внимание на оперативной работе (Управление включает Информационный отдел, работающий с текущей информацией для поддержки системы кризисного управления, Национальный оперативный центр (National Operations Center) – отделы контроля и планирования, а штаб-квартира – отдел безопасности);

на базе отделов по обработке данных, [информационной] политике, планированию и распределению информации создан Отдел предупредительной оценки [Warning Assessment Section], (открыто независимое Балканское подразделение), кроме того, Управление оперативной поддержки начало программы специального обучения, создано подразделение по асимметричным угрозам;

создано Управление по поддержке коммуникаций и компьютерных технологий (Communication and Computer Support Directorate);

сформировано Информационное подразделение, чтобы оперативно поддерживать спецслужбу, в том числе с помощью новых

технических средств связи (спутниковая передача изображений и т. п.);

отдел военных атташе модернизирован до Управления, работающего как с греческими атташе за границей, так и с иностранными атташе в Греции;

контрподразделение информационной безопасности модернизировано до Управления, чтобы быть способным решать новые проблемы безопасности [11, с. 85].

По мнению того же Дж. М. Номикоса, Греция нуждается в современных и эффективных службах разведки, которые способны собирать и обрабатывать информацию, необходимую для планирования и выполнения секретных операций для защиты национальных интересов. Практика укомплектования Эллинской разведывательной службы военными чиновниками и полицейскими потерпела неудачу именно в столкновении с ультралевыми организациями. Спецслужбы нуждаются в новом поколении высококвалифицированных сотрудников и современном техническом оборудовании. Однако, по мнению специалистов, существенную роль в уничтожении организации N-17 сыграли именно спецслужбы, скоординировавшие свои действия с греческой полицией – Антитеррористическим подразделением (СТУ), которое своевременно предоставило информацию об N-17, накопленную почти за тридцать лет.

Однако среди косвенных причин того, что террористы N-17 так долго не были обнаружены, можно считать закрытую стратегию поведения силовых структур, отсутствие разветвленной системы коммуникаций. Если, как утверждают греческие исследователи [11, с. 86], причинами распада N-17 была потеря организацией общественной поддержки или молчаливого согласия граждан с ее действиями, нехватка идеологии, внутреннее вырождение организации, потеря связи ее акций с политической действительностью, то при наличии определенной парадигмы ценностей, которую продвигали бы через свои каналы коммуникации силовые ведомства Греции, значительно легче было бы наладить связь с

общественностью, как это делает, к примеру, Ведомство по охране Конституции ФРГ.

То же самое в настоящее время происходит и в ситуации с ЕА, когда при наличии огромного эффекта ее деятельности в СМИ спецслужбы не выпускают соответствующих публикаций, в которых бы четко разграничивались бы терроризм и протестное движение, разъяснялась бы необходимость борьбы с терроризмом. Полезными были бы, на наш взгляд, разъяснения того факта, что большая вероятность повторения терактов ЕА в будущем обусловлена не только социальной и политической нестабильностью в стране, но и предыдущими успехами организации, а также нахождением ее в подполье. Это утверждение, сделанное в статье об ЕА в базе данных террористических организаций Национального консорциума США по изучению терроризма и ответственности за терроризм, позволяет понять сущность таких террористических организаций, за действиями которых стоят определенные группы интересов. Однако и здесь теракты описаны только как своего рода послания протестному движению с целью «укрепить имидж [ЕА] среди других революционеров» [14], что, на наш взгляд, не только не отражает объективных условий политического развития, но и ставит под удары информационной войны протестное движение, как и абсолютно легальные левые партии.

В Греции признают, что Эллинская разведывательная служба (ЕИП) должна развиваться по образцу самых эффективных западных спецслужб, самые значительные изменения в которых произошли в последние десятилетия. ЕИП предлагается изменить политику и расширить источники набора новых сотрудников; это должно гарантировать, что штат ЕИП более эффективно представляет население. Политику спецслужб в области работы с персоналом, с точки зрения карьерного роста, процедур рассмотрения жалоб и т. п., предлагается постепенно все более приближать к нормам работы общественных служб (иногда из-за серьезных проблем персонала); управленческие методы предлагает-

ся приблизить к методам менеджмента в частном секторе. Наконец, предлагается переход к большей открытости в общении спецслужб с населением, а также указывается, что после 2010 г. разведка должна приобрести сетевой характер, рассеяться по разным областям, работать с разными отраслями знания и группами специалистов и населения [11, с. 86].

Таким образом, исследователи механизмов работы греческих спецслужб подчеркивают необходимость своевременного репутационного менеджмента, который должен помочь преодолеть негативное отношение к силовым структурам в борьбе с ультралевым (и не только) терроризмом. Здесь частично (насколько это оправдано целями работы), можно вспомнить рекомендации по расширению работы с открытыми источниками, распределению информации, полученной из них и от исследователей, с множеством потенциальных партнеров по антитеррористической коалиции, включая иностранные ведомства и лиц и организаций, не связанных с правительством, информация от которых редко бывает закрытой. Наконец, необходима защита самих спецслужб от политических давлений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Базаркина Д.Ю. Ультралевый терроризм в ФРГ: Основные направления деятельности «Фракции Красной армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971–1992 гг.). – М., 2010. – 276 с.
2. Ланцов С.А. Террор и террористы: Словарь. – СПб., 2004. – 187 с.
3. Спецслужбы Греции [Электронный ресурс] // Агентура.Ру: [сайт]. [1999]. URL: www.agentura.ru/dossier/grek/ (дата обращения 19.04.2012).
4. 60 Jahre im Dienst der Demokratie: Bundesamt für Verfassungsschutz. Reden anlässlich des Festaktes 60 Jahre Bundesamt für Verfassungsschutz am 6. Dezember 2010. – Köln, 2010.
5. Domestic Extremism [Электронный ресурс] // Security Service MI5: [сайт]. [2011]. URL: www.mi5.gov.uk/output/domestic-extremism.html (дата обращения 19.04.2012).
6. Feinde der Demokratie. Linksextremisten. Eine Information des Verfassungsschutzes. Potsdam, 2010.
7. Kritzman T. Greek Counter-Terrorism. Have the Lessons been learned? [Электронный ресурс] // ICT – International Institute for Counter-Terrorism (Israel): [сайт]. [2000]. URL: 212.150.54.123/articles/articlelet.cfm?articleid=124 (дата обращения 19.04.2012).
8. Linksextremismus [Электронный ресурс] // Bundesamt für Verfassungsschutz: [сайт]. [2011]. URL: [// verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af_linksextremismus/](http://verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af_linksextremismus/) (дата обращения 19.04.2012).
9. Major Areas of Work [Электронный ресурс] // Security Service MI5: [сайт]. [2011]. URL: www.mi5.gov.uk/output/major-areas-of-work.html (дата обращения 19.04.2012).
10. Mareš M. Extreme Left Terrorism in Contemporary Europe // Central European Political Studies Review. – 2007. – Volume IX. – Part 4.
11. Nomikos J. M. Greek Intelligence Service and Post 9/11 Challenges. // The Journal of Intelligence History. Germany. – Winter 2004. – Volume. 4. – № 2.
12. Rechtsextremismus im Internet [Электронный ресурс] // Jugendschutz.net: [сайт]. [2011]. URL: www.jugendschutz.net/index.html (дата обращения 19.04.2012).
13. Reporting extremism and terrorism online [Электронный ресурс] // Directgov – the UK government's digital service for people in England and Wales: [сайт]. [2011]. URL: www.direct.gov.uk/en/CrimeJusticeAndTheLaw/Counterterrorism/DG_183993 (дата обращения 19.04.2012).
14. Revolutionary Struggle [Электронный ресурс] // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism: [сайт]. [2011]. URL: www.start.umd.edu/start/data_collections/tops/terrorist_organization_profile.asp?id=3672 (дата обращения 19.04.2012).
15. Subversion [Электронный ресурс] // Security Service MI5: [сайт]. [2011]. URL: www.mi5.gov.uk/output/subversion.html (дата обращения 19.04.2012).
16. Themen [Электронный ресурс] // Bundesministerium des Innern: [сайт]. [2011]. URL: www.bmi.bund.de/DE/Themen/themen_node.html (дата обращения 19.04.2012).